

В СЛОВЕСНОЙ ЛАБОРАТОРИИ

АНЯ СОЛОНОВИЧ
Родилась в Москве, окончила Институт филологии МПГУ (бакалавриат, магистратура). Автор ряда научных публикаций, посвященных образу танца в зарубежной литературе,

участник «Школы литературной критики имени В.Я. Нурбатова», «Тавриды», «Территории смыслов» и других форумов и конференций. Преподает зарубежную литературу в лицее, ведет книжный блог.

150 лет назад Лев Николаевич Толстой начал работу над романом «Анна Каренина». Благодаря черновым записям можно проследить, как прорастал, развивался и раскрывался, подобно прекрасному цветку, замысел гения. Подобный компаративный анализ текстов в хронологической последовательности позволяет подглядывать за работой писателя в словесной лаборатории.

В первом варианте внимание привлекает театральность происходящего: упоминается посещение оперы, у Мики на лице создается «маска», когда она поправляет прическу и припудривается. Все это усиливает мотив маскарада, обмана. Толстой обращает внимание на сложности жизни в свете, а не на трагедию семейного несчастья. В данной версии уже чувствуется дуновение прозы А.С. Пушкина, Лев Николаевич ловит на крючок внимание. Зацепившееся кружево Мики, словно предупреждающий об опасности красный башлык Нелли, «военное легкое бряцание шпорь и сабли ея мужа» — все создает предчувствие чего-то недоброго, нарочито давя на читателя, подобно музыке в хорроре. Возможно, разрывая кружево, героиня изменила плетение нити своей судьбы. Жизни света противопоставляется семейный уют и тепло дома, представленные абажуром, «круглым столом съ серебряным самоваромъ». Нити предстает в данной версии несколько фривольной особой, «душой въ кринолинѣ», еще не обретя чистоту и очарование финальной версии текста. Внимание привлекают имена героев, которые только начинает подбирать автор: это и аллюзия к Александру Сергеевичу («Пушкины общались быть сегодня»), и неопределенность в фамилиях Ганина или Вронского, и символика имени Анастасии (ранний вариант Карениной) — «возвращение к жизни», более того, она предстает как хорошая супруга, которая «всегда ѣздитъ только съ мужемъ». Общество прочит Карениной историю любви («Теперь или никогда для нея настало время быть героиней романа»), готово с интересом смотреть за ее перипетиями,

за страстным спектаклем с грехопадением с преследующим ее Вронским. Анна кажется доброй, прямодушной, «несмотря на некрасивость лица, было что-то въ добродушіи улыбки красныхъ губъ, такъ что она могла нравиться», ее искренний и энергичный голос чарует. Алансей Александрович (Наренин) не вызывает неприятия, это человек добропорядочный, рассеянный, служащий цели, в его описании нет критической оценки с позиции супруги, которую увидим в каноническом тексте.

Если в первом варианте начала Лев Николаевич использует больше описаний, эпитетов («окруженнымъ цвѣтами зеркаломъ въ ярко освѣщенной передней; еще она отцѣпляла маленькой ручкой въ перчаткѣ упрямо зацѣпившееся кружево за крючокъ шубки, когда изъ подъ лѣстницы показалось въ накинутаго на высокую прическу красномъ башлынкѣ красивое личико Нелли, и слышалось военное легкое бряцаніе шпоръ и сабли ея мужа, и показалась вся сіяющая плѣшивая приглаженная голова и усатое лицо ея мужа»), то во втором фрагменте преобладает динамика благодаря глаголам («Пріѣхавъ изъ оперы, хозяйка только успѣла въ уборной опудрить свое худое, тонкое лицо и худошавую шею и грудь, стереть эту пудру, подобрать выбившуюся прядь волосъ, приказать чай въ большой гостиной и вызвать мужа изъ кабинета...»). На передний план выступает холод светского общества, напыщенность встречи, о чем свидетельствует мотив блеска («ярко освѣщеннымъ столомъ, блестящимъ бѣлизною скатерти, серебрянаго самовара и чайнаго прибора»), здесь нет уюта из первого текста. Этим людям чужды взаимопонимания и душевная близость: например, графиня боится снять перчатки, так как над ее красной рукой могут посмеяться, назвав ее не аристократкой, а человеком из народа с натруженной ладонью. Толстой упоминает о поездке в Москву, показывает, что перелом в сознании Анны уже произошел. Окружающие не поддерживают ее, не прочтат романа, а однозначно утверждают: дама дурно кончит. Описание внешности Нарениной дается через спор о том, дурна или хороша ее внешность. Толстой пользуется тем же приемом, с помощью которого Гомер воссоздает красоту Елены, не описывая напрямую, а изображая реакцию троянских старцев. Во втором варианте начала нет явления Облонского, не появляется Анна с супругом, нет реакции Вронского на возлюбленную, завязка любовной коллизии вынесена за скобки. Данное начало напоминает светский вечер в салоне Шерер: меньше описаний, больше хаотичных разговоров. Читатель подслушивает чужие сплетни, не может увидеть происходящее собственными глазами и составить оценочное суждение.

Третий вариант начала романа переносит акцент с подготовки хозяйки вечера на появление гостей. Любопытно, что раньше все обсуждали исполнительницу Нильсон, а теперь — певицу Виардо. Это свидетельствует, что текст — живой и развивающийся организм, отражаются модные веяния. В обществе нет добродушных насмешек, каждый участник хочет произвести эффект, показаться уточненным аристократом, так, например, эстетствует «хозяйка, поднявши розовый мизинчикъ, поворачиваетъ кранъ серебрянаго самовара и передаетъ китайскія прозрачныя чашки». Толстой решает изменить фамилию Нарениных на Ставрович, при этом нет особого внимания к личности мужчины, нет портрета дамы. Сплетники не просто предполагают, что Татьяна (Анна) плохо кончит, а прямо заявляют об этом. Читателя поражает бравада и нарочитая вульгарность героини: «облокотившись обнаженной рукой на бархатъ кресла и согнувшись такъ, что плечо ее вышло изъ платья, говорила съ дипломатомъ громко,

свободно, весело о таких вещах, о которых никому бы не пришло в голову говорить в гостиной». В такую даму сложно влюбиться читателю, не получается сопереживать героине, как при прочтении финальной версии романа. Кажется, что Татьяна (Анна) добровольно «нарывается» на неприятности, например, компрометируя себя, снимая перчатки, оголяя сущность охотницы («нагнув голову, она взяла в зубы ожерелье черного жемчуга и стала водить им, глядя из подлобья»). Будущая Наренина в черном платье с желтыми кружевами предстает яркой, эмансипированной, несколько провокационной. Более того, пренебрегая этикетом, она пригласила Балашова (Вронского) на свидание в чужой дом и просидела с ним наедине над альбомами. Ей противопоставлен супруг; Михаил Михайлович напоминает Манилова, такой же нерешительный, улыбочивый, несколько слащавый и несмелый. В этом варианте начала романа на наших глазах происходит падение Татьяны, ей отказывают от домов. В героине нет прямоты, очарования, которые присутствовали в первых двух отрывках.

Данный вариант начала романа изображает Михаила Михайловича (Наренина), который не замечает падения жены, полностью сконцентрировавшись на служении великой миссии. Невольно сочувствуешь герою и не понимаешь выбор Тани. Толстой описывает сложности со здоровьем мужчины, дабы продемонстрировать жалость к обманутому мужу одних людей (доктора) и злорадство других (директора).

В этом варианте романа на передний план выходят мужчины. Лев Николаевич воссоздает разговор Балашова со старшим братом о необходимости урезонить чувства к Тани, однако это ни к чему не приведет. Такого эпизода со взглядом любовника в предыдущих фрагментах не было, Толстой совершает попытку воссоздать психологизм других героев, окружающих даму, которая достигнет расцвета в итоговом варианте романа.

В третьем варианте предисловия появляется хрестоматийный эпизод со сначками. Однако здесь еще нет поэтизации процесса, персонаж не обращается к лошади как к возлюбленной, напротив, Балашов гордится лишь собой. Его кобыла случайно срывается в овраг и ломает спину, позднее в несчастье с Фру-фру виноват будет лишь Вронский, неловким движением сломавший позвоночник животному. Оба героя от злости и безысходности бьют лошадь набухом в живот, однако за счет романтизации сначек в итоговом тексте эпизод воспринимается острее эмоционально.

Важно отметить, что в итоговом тексте Нити является сестрой Долли, а в этом варианте — сестрой Михаила Михайловича (Наренина), то есть еще не созданы образы семей с разным воспитанием. В данном начале «Молодца-бабы» представлены фрагментарные описания, сюжетные лакуны, словно в сжатой версии Толстой воссоздал черновой вариант всего текста. В этой версии романа читатель знакомится с религиозной трансформацией бывшего мужа, сумасшествием Татьяны, ее гибелью на железнодорожных путях без подробностей и без выписанной психологической мотивации. В «Анне Нарениной» все логически подготовлено: заглавная героиня вспоминает о раздавленном поездом мужчине, из ревности и желания причинить боль Вронскому она устремляется под поезд. В итоговой версии романа читатель видит смену ролей (так, например, за христианскую идею в большей степени отвечает Левин) и развитие образов, психологизм.

В четвертом варианте начала главным героем предстает Нерадов Константин, «стройный широкий атлет с лохматой русой головой и рѣдной черноватой бородой и блестящими голубыми глазами».

Он с Гагиным горят о переустройстве Российской империи и лишь парой слов упоминают, что Наренина мила. Любовная линия в данной версии строится вокруг симпатии Нерадова и Нити. Однако если в итоговой версии эпизоду на катне предшествует разговор с братом, то здесь Толстой описывает семейную преемственность через разговор матери и сына. С одной стороны, данный эпизод ближе к тому, что можно прочесть в романе «Анна Наренина», с другой — упомянутые акценты смещены.

Итак, первый вариант начала романа «Молодец-баба» представляет вечер после оперы, Толстой подчеркивает наличие масок в светском обществе. В тексте появляется героиня (в дальнейшем ставшая Нарениной) и пленяет окружающих своей душой. Общество высказывается о возможном романе, даже поощряет адюльтер, сочувствуя не очень удачному браку с менее очаровательным супругом. Для света роман — спектакль, за которым они готовы наблюдать с интересом, сохраняя приличия. Во втором варианте акценты расставлены иным образом: герои предчувствуют, что женщина плохо кончит, осуждают ее, активнее сплетничают и дают оценки уму или глупости Наренина, дурноте или красоте Анны. Здесь нет интриги, лишь экспозиция из канонической версии, которая, возможно, не сможет завлечь читателя так, как очарование сильной фразы «Все счастливые семьи...». В третьем варианте перед читателем предстает роковая женщина, которая уже вкусила разврата. Нет акцента на семейной теме, нет психологического раскрытия персонажей, присущих итоговой версии. Читатель сразу знакомится со светским обществом, не возникает интриги (кто же Анна? почему многие события будут связаны с ее судьбой замысловатыми узлами сюжетных нитей?), все дается «сразу в лоб». Михаил Михайлович (Наренин) воспринимается как страдалец, христианскими идеями, смирением и прощением он напоминает Платона Наратаева. Данный вариант начала более динамичный, сразу происходят временные перемещения, много нарраторов, к которым читатель не успевает привязаться. В канонической версии романа в самом начале предстают два героя, чьи семейные взгляды противопоставлены друг другу (Облонский и Левин). В данной версии антагонистами становятся Михаил Михайлович и Балашов, которые стремятся заполучить Анну. Каноничностью описаний и сокращенными предложениями вариант больше напоминает план глав, нежели развернутое повествование. Происходящее рисуется несколькими штрихами, акцент сделан на диалогах героев, это чем-то напоминает стилистику «Повестей Белкина» А.С. Пушкина. Четвертый вариант сразу выводит на сцену Нерадова, реакция старушки графини на его появление намечает социальный, а переживания матери о браке сына — любовный конфликты. Однако в итоговой версии романа эта проблематика представлена более элегантно. Радость Константина от обладания физической силой, интеллект и прожентами, атлетические нульбиты не вяжутся с образом стеснительного, вдумчивого и сомневающегося в возможном семейном счастье Левина. В итоговой версии романа собрались лучшие черты каждого варианта: важную роль играют детали, Толстой раскрывает героев через их действия и речевые характеристики, психологизм героев побуждает понять каждого, темы социальных конфликтов, благоустройства окружающего макрокосма мира и микрокосма семьи, истинные и ложные, чувства героев создают масштабный мир и др. Так в мастерской гения графические наброски «Молодца-бабы» превратились в монументальное, детально выписанное масляное полотно изумительной картины «Анна Наренина».